

УДК 821.161.1.09

**ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?
ОТВЕТ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО.**

А. Ю. Колпаков

Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева
кафедра русской литературы

В статье на основе текстов Ф. М. Достоевского рассматривается одна из характерных черт сознания русской интеллигенции – её сомнения в собственной значимости. Достоевский воплотил два полярных взгляда на интеллигенцию: уверенность в её значимости и отрицание её необходимости. Таким образом, Достоевский выразил одну из ключевых оппозиций интеллигентского сознания, колеблющегося между мессианством и отщепенством.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, интеллигенция, русская литература, сознание русской интеллигенции, западники, славянофилы, общество, народ и интеллигенция

Отличительной чертой русской интеллигенции было её постоянное сомнение в своей необходимости. Быть или не быть – дилемма, ставшая сущностью характера и идеологии интеллигенции. Нужна ли России интеллигенция или её судьба сойти с арены общественной жизни, признав собственное бессилие, – лейтмотив споров об интеллигенции. Своего пика этот спор достиг в начале XX века, на волне публикации сборника «Вехи», который не без оснований сочли приговором русской интеллигенции. Однако полемический взрыв, спровоцированный авторами «Вех», готовился на протяжении всей второй половины XIX столетия – эпохой формирования интеллигенции, кристаллизации её сознания. Достоевский был не просто участником этого спора. Он стоял у его истоков, был генератором идей и, что особо важно, носителем глубинной антиномичности сознания русского интеллигента. Показательно, что феномен Достоевского стал одним из контрапунктов полемики о русской интеллигенции, в которой так и не было решено, относить писателя к интеллигенции или нет.

Специфика ситуации Достоевского состояла в том, что к проблеме быть или не быть интеллигенции он пришел не через литературу и журнальную полемику, а через собственный жизненный опыт. Не идейные баталии, а каторга задала Достоевскому вопрос о судьбе интеллигенции. Вопрос, который он пронес от первого до последнего дня в остроге, а потом сформулировал устами героя «Записок из Мертвого дома».

Одним из главных открытий для петербургского писателя на каторге стала непреодолимая пропасть, разделяющая «образованных» людей с народом. «Мужик, переселённый из Таганрога в Петропавловский порт, тотчас же найдёт там такого же точно русского мужика <...>. Не то для благородных. Они разделены с простонародьем глубочайшею бездной» [1, т. 4, с. 198–199].

Для Достоевского эта бездна становится мучительной. Мысль об отщепенстве интеллигента не покидает его все время каторги: «Не то с

благородным, с дворянином. Как ни будь он справедлив, добр, умён, его целые годы будут ненавидеть и презирать все, целой массой; его не поймут, а главное – не поверят ему. *Он не друг и не товарищ, и хоть и достигнет он наконец с годами того, что его обижать не будут, но всё-таки он будет не свой и вечно, мучительно будет сознавать своё отчуждение и одиночество* (курсив Достоевского. – А. К.)» [1, т. 4, с. 198].

С другой стороны, с первых шагов на каторге Достоевский стремится сохранить и подчеркнуть свою социальную особость: «...я никогда не бывал дворянином по их (каторжников. – А. К.) понятиям; но зато я дал себе слово никакой уступкой не унижать перед ними ни образования моего, ни образа мыслей моих» [1, т. 4, с. 77].

Именно каторга открыла Достоевскому его особость как интеллигента и одновременно его зависимость от народа. По сути, каторга сформировала противоречивость самосознания Достоевского-интеллигента, выразившуюся в амбивалентном отношении к себе и к народу. Эта двойственность самосознания нашла свое воплощение в публицистике писателя. Достоевский после каторги сразу начинает говорить о проблеме интеллигенции, пытаясь теперь на идейном уровне сделать выбор между интеллигенцией и народом.

Как известно, позиция Достоевского-почвенника носила примиренческий характер. В споре западников и славянофилов писатель занимал промежуточную позицию, избегая крайностей и прямолинейности. С одной стороны, он полемизировал с западниками, утверждая величие русского народа, но, с другой стороны, не принимал однозначного отрицания славянофилами значимости образованного слоя. Почвенничество, с его приятием результатов европейского опыта, предполагало в качестве инициатора и руководителя общественного развития именно интеллигенцию: «Народ никогда не поймёт нас, если не будет к тому предварительно подготовлен. <...> Но пока за образованным сословием остаётся первый шаг...» [1, т. 18, с. 37].

Достоевский сопротивлялся тенденции умалить роль интеллигенции, развенчать её право быть авангардом общества: «Не можем же мы совсем перед ним уничтожиться, и даже перед какой бы то ни было его правдой...» [1, т. 22, с. 45].

Показательна трактовка феномена А. С. Пушкина, представленная Достоевским в 60-е годы. В статье «Книжность и грамотность» Достоевский четко указывает социокультурную принадлежность Пушкина. Его писатель однозначно относит к «образованному» сословию. Заслуга Пушкина заключается в том, что он первый из образованного слоя заговорил с ним «русским языком, русскими образами, русскими взглядами и воззрениями»

[1, т. 19, с. 14].

Однако у Достоевского утверждение значимости интеллигенции постоянно сбивается на признание её пороков, неизбежного отрыва от народа, отщепенства. Интеллигенция должна не просто понять и принять народ, она должна умалиться перед его величием и оставить претензии на руководящую роль.

Одной из ярких страниц идейной полемики 70-х годов стал спор о «лучших людях». Проблема «лучших людей» возникла на волне ослабления

пореформенного дворянства. Часть общественных деятелей и публицистов выступила за сохранение сословных привилегий и поддержку государством правящего сословия. Однако не менее мощно была представлена идея новых «лучших людей», приходящих из разных слоев общества [2, с. 482–507].

Достоевский в этой полемике был ближе ко второй группе. Однако, с его точки зрения, интеллигенция составить ядро «лучших людей» не в состоянии, поскольку совершенно утратила связь с народом и Россией. Выход Достоевский видит в том, что лучшие люди придут из народа: «...не утерян у нас на Руси образ «лучшего человека», но, напротив, воссиял светлее, чем когда-нибудь, и податель его, хранитель и носитель его, есть именно теперь простой народ русский...» [1, т. 23, с. 161–162]. Теперь национальным идеалом, «лучшим человеком» становится не Пушкин, а русский унтер-офицер Коновалов, идущий пешком из города Енисейска, чтобы сражаться с турками. Вместе с тем нельзя сказать, что дилемма «быть или не быть интеллигенции» была решена окончательно. В публицистике противоречивость позиции Достоевского проявилась в его программном выступлении на Пушкинских торжествах и последующих за ними объяснениях с критиками.

В самой «Пушкинской речи» Достоевский вновь выставляет высшим воплощением национальных ценностей Пушкина. Однако в отличие от статьи «Книжность и грамотность», в «Пушкинской речи» Пушкин максимально выводится из социальной структуры общества. Его социокультурное положение неопределенно. Даже «европеизм» поэта подается не как социальная характеристика, а как качество русского сознания. Этот ход позволяет Достоевскому противопоставить Пушкина интеллигенции и без каких-либо противоречий приблизить его к народу. Отъединив Пушкина от интеллигенции, Достоевский лишил её национальной и общественной значимости.

Собственные ценности интеллигенции становятся незначительными, поскольку все самое ценное несет в себе народ. Следовательно, путь интеллигенции – путь учебы у народа, принятия от него смысла существования. Вероятно, эта мысль и вызвала резкий отпор «Пушкинской речи» Достоевского со стороны различных групп интеллигенции. Интеллигенция с восторгом приняла призыв к служению народу и примирению, но не приняла подспудно звучащей нивелировки собственной общественной значимости [4, с. 392–405].

В последующих объяснениях мысль Достоевского о величии народа и ничемности интеллигенции выйдет на первый план. В полемике с профессором А. Д. Градовским Достоевский вновь вернется к идее о лучших людях из народа, «настоящей» просветённости народа, опасности европеизма: «Я утверждаю, что наш народ просветился уже давно, приняв в свою суть Христа и учение его» [1, т. 26, с. 150]. И, тем не менее, в последних публикациях «Дневника писателя» Достоевский вновь корректирует оппозицию интеллигенции и народа. Лейтмотивом «Дневника писателя» за 1881 год является мысль о необходимости интеллигенции, ибо «страшно нужна народу интеллигенция, предводящая его, сам он жаждет и ищет ее» [1, т. 27, с. 9].

Будущее России Достоевский связывает с интеллигенцией: «Захочет ли сословие и прежний помещик стать интеллигентным народом? – вот вопрос, и, знаете ли: самый важный, самый капитальный, какой только есть у нас теперь и от которого зависит, может быть, всё наше будущее» [1, т. 27, с. 9].

Её миссия – воплотить народные идеалы во всех сферах русской жизни. Интеллигенция – это «сознательная» сила народа: «И увидите, что ничего не скажет тогда наша интеллигенция народу противоречиво, а лишь облечет его истину в научное слово и разовьет его во всю ширину своего образования, ибо все же ведь у ней наука или начала ее, а наука народу страшно нужна» [1, т. 27, с. 25].

Итак, анализ публицистики показывает, что проблема интеллигенции была для Достоевского чрезвычайно важна и, прежде всего, в силу личного опыта каторги. Каторга, во-первых, со всей очевидностью выявила особое социальное положение Достоевского – положение интеллигента. Во-вторых, она раскрыла перед писателем пропасть, разделяющую интеллигента и мужика. В публицистике Достоевский пытался решить эту проблему. Но единого ответа он так и не дал. Точнее, ответ Достоевского состоял из двух противоречивых выводов. В первом случае интеллигенция понималась как общественно значимая сила, носитель непререкаемых ценностей: европейской образованности, интеллектуальной развитости и нравственной высоты. Её сближение с народом необходимо, но только на основе равенства. Второй вывод заключался в абсолютном верховенстве народа над интеллигенцией. Единение интеллигенции с народом мыслилось как путь отказа от интеллигентских ценностей и полное принятие народной правды.

В романах Достоевского проблема интеллигенции занимала не менее важное место, чем в публицистике. Нетрудно заметить, что чаще Достоевский раскрывает пагубность атеистической идеологии русской интеллигенции, спутанность у неё представлений о добре и зле. Особенно показателен в этом отношении роман «Бесы», где все герои-интеллигенты так или иначе заражены неверием. Именно разоблачение идейности, атеизма и беспочвенности интеллигенции увидели в романах Достоевского русские мыслители, особенно «веховцы». Однако наряду с критикой Достоевский указывает и на необходимость истинной интеллигенции, составляющей высший слой русского общества, его духовную аристократию. Явственно мысль об особой роли интеллигенции в русском обществе была высказана Достоевским в образе князя Мышкина. Хотя сам Мышкин пытается позиционировать себя как дворянина, именно дворянских (тем более аристократических) черт в нем крайне мало. Он явно выпадает из сословных рамок, при этом сохраняя европейскую образованность и воплощая высокие христианские идеалы.

В. Я. Переверзев относил Мышкина к интеллигенции на основе таких его качеств, как кротость и идейность: «Мышкин интеллигент, он тип мыслящего «слабого сердцем»; у него есть взгляды, хотя и не сложившиеся в систему; он их высказывает, пропагандирует, защищает, противопоставляет их чужим воззрениям» [3, с. 308]. Мышкин, несмотря на свою открытость всем слоям общества, является носителем идеи интеллигентского аристократизма. При этом аристократизм Мышкин понимает не как сословное положение, а как воплощение лучших нравственных качеств, среди которых первое место

занимает служение людям: «Зачем исчезать и уступать другим место, когда можно остаться передовыми и старшими? Будем передовыми, так будем и старшими. Станем слугами, чтоб быть старшинами» [1, т. 8, с. 458].

Идея интеллигентского общества развивается в романе «Подросток». Её носителем является скиталец, русский европеец Версилов. Опять-таки, несмотря на то, что Версилов говорит о необходимости истинного дворянства, его идеал соотносится не с реальным сословием, а с неким будущим слоем общества, основной которого станут культурные и нравственные ценности.

«Пусть всякий подвиг чести, науки и доблести даст у нас право всякому примкнуть к верхнему разряду людей. Таким образом, сословие само собою обращается лишь в собрание лучших людей, в смысле буквальном и истинном, а не в прежнем смысле привилегированной касты» [1, т. 13, с. 177–178]. На этот манифест Версилова князь Сергей резонно недоумевает: «Это какое же будет тогда дворянство? Это вы какую-то масонскую ложу проектируете, а не дворянство» [1, т. 13, с. 178]. Как бы ни был недалек князь, он верно уловил нестыковку между дворянством и тем высшим сословием, о котором говорит Версилов. Разница очевидна, а недопонимание проистекает из новизны самой идеи Версилова о будущей аристократии интеллигенции.

Герой последнего романа Алеша Карамазов, как и князь Мышкин, воплощает черты идеального интеллигента, соединяющего мысль и сердце. Образ Алеши Карамазова становится символом новой молодой России. По словам прокурора: «...о, это еще юноша, благочестивый и смиренный, в противоположность мрачному растлевающему мировоззрению его брата, ищущий прилепиться, так сказать, к „народным началам“, или к тому, что у нас называют этим мудреным словечком в иных теоретических углах мыслящей интеллигенции нашей» [1, т. 15, с. 127]. Финал романа утверждает мысль о необходимости духовного спасения русского общества и новом герое русской жизни – интеллигента-праведника.

Беглый обзор романов показывает, что и в художественных произведениях проблема быть или не быть интеллигенции была одной из ключевых. И так же, как в журнальной полемике, решается эта проблема неоднозначно. Разоблачая нравственную шаткость и пустоту нынешней интеллигенции, Достоевский уповает на интеллигенцию будущего – светских праведников России.

Случай Достоевского показывает, что противоположные взгляды на интеллигенцию в структуре интеллигентского сознания могут странным образом уживаться. Интеллигент может проклинать отщепенцев-интеллигентов и одновременно уповать на интеллигенцию, видеть в ней путь спасения. Если вся история русской интеллигенции говорит об её отщепенстве и беспочвенности, её гибели и бессилии, то вывод должен следовать однозначный: интеллигенция обязана проститься со своими претензиями на избранничество и уйти с авансцены общественной жизни России. Тем более что самой интеллигенцией утверждалась сила народа, способного спасти и самого себя, и Россию. Но часто, доходя до этого рубежа, интеллигентское сознание делало зигзаг к иному выводу: России интеллигенция необходима, пусть в ином виде, но именно она должна быть авангардом общества.

Список литературы

1. Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений [Текст] : в 30 т. / Ф. М. Достоевский ; редкол. : В. Г. Базанов (гл. ред.) [и др.]. – Л. : Наука, 1972–1990.
2. Капри, Г. Ф. М. Достоевский и судьбы русского дворянства (по роману "Идиот" и другим материалам)» [Текст] / Г. Капри // Роман Ф. М. Достоевского "Идиот": современное состояние изучения : сб. работ отечественных и зарубежных ученых ; под ред. Т. А. Касаткиной. – М. : Наследие, 2001. – С. 482–507.
3. Переверзев, В. Ф. Гоголь. Достоевский. Исследования [Текст] / В. Ф. Переверзев. – М. : Сов. писатель, 1982. – 308 с.
4. Успенский, Г. И. На другой день [Текст] / Г. И. Успенский // Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников : в 2-х т. Т. 2. ; редкол. : В. Вацуро, Н. Гей, Г. Елизаветина и др. ; сост. и коммент. К. Тюнькиной. – М. : Худож. лит., 1990. – С. 402–403.

INTELLIGENTSIA: TO BE OR NOT TO BE? DOSTOYEVSKY'S ANSWER

A. Y. Kolpakov

*Krasnoyarsk state pedagogical University the name of V. P. Astafiev
The department of Russian literature*

The article, based on Dostoyevsky's text is considered one of the characteristics of consciousness of the Russian intelligentsia – her doubts in their own significance. As a result, we come to the conclusion that Dostoyevsky embodied two polar opinions on intelligentsia: confidence in its significance and denial of its need. Thus, we argue that Dostoyevsky expressed one of the key oppositions of the educated mind, oscillating between the messianism and alienation.

Key words: *Dostoyevsky, intelligentsia, Russian literature, the consciousness of the Russian intelligentsia, Westerners, Slavophiles, society, people and the intelligentsia*

Об авторах:

КОЛПАКОВ Алексей Юрьевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы КГПУ им. В. П. Астафьева (660049, Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89), e-mail: aleksej-ka@narod.ru